

Вопросы развития федерализма и укрепление межнациональных отношений

Валерий ТИШКОВ

Меня очень интересует вопрос нациестроительства, устройства государства со сложным составом населения. Много отдав времени изучению проблем, которые обозначаются во множественном числе — «народы России», «народы мира», — я был редактором двух больших энциклопедий: «Народы и религии мира» и «Народы России». В последнее время меня интересует единственное число — российский народ. Что это за феномен, какова его идентичность? Из чего народ складывается, и как обеспечить его стабильное суверенное и успешное развитие?

В мире существуют две мощные формы группировок людских коллективов, или социальные группировки людей. Одна — этнические общности, или этнические группы, этносы. По-разному называется. У нас после работ Льва Гумилёва привилось обозначение «этнос». В мировой политической практике этого термина нет. И в правовом языке его тоже нет. Применяются термины «народы», «этнические общности», «этнические группы», «меньшинства», если речь идет о численно не доминирующих группах.

В мире около 4000–5000 таких групп. Наука их выявила и на карту положила. Каждый человек хорошо представляет, на каком языке говорит, какова его культура. Тем не менее в последнее время становится ясно, что этническая карта мира, в том числе и России, не такая уж одномерная. Границы между этносами нельзя провести, потому что этнические общности мигрируют, появляются смешанные браки. Это сложно картографировать.

В последнее время появилась еще одна форма сложной идентичности. Это дети смешанных браков, которые осваивают не один, а два-три языка, иногда с детства. Им самим трудно определить, какой язык для них родной.

Поэтому в мировой науке и политической практике появилось понятие «культурные сложности», или «культурные разнообразия». Причем этническое или этноконфессиональное разнообразие мыслится не просто как много групп, а как сложности на уровне личности. Признается право за личностью иметь не одну, а несколько идентичностей, в том числе и этнокультурного плана. Если отец — украинец, мать — русская, а сын и тот, и другой язык уважает, любит две культуры, то почему он должен быть либо только украинцем, либо только русским?

Поэтому в большинстве стран мира, где спрашивают во время переписи населения этническую или национальную принадлежность, в опросном листе стоит две-три пустые строчки. И человек, который имеет более сложную, чем одну этническую принадлежность, указывает две-три. Это, кстати, требование и рекомендация Бюро по проведению переписи при ООН. Мы пытались в прошлую российскую перепись напечатать опросник с возможностью дать множественный ответ, но один из вице-премьеров, руководитель правительственной комиссии по проведению переписи, сказал: «Не нужно, мы хаос поседем!». И опросник перепечатали заново.

Так что мы по-прежнему можем выбрать только одну национальность. Для большинства населения это не проблема, но значительная часть испытывает, особенно с детьми в смешанных семьях, неудобства. Однако, на мой взгляд, Россия, как и весь мир, движется в сторону возможности для человека определять не так однолинейно свою этническую и национальную принадлежность. Может быть, даже будем признавать родным языком не один, а два.

Есть наше старое понятие — родной язык. Оно больше утвердилось в мировой практике как «материнский язык». Или «первый выученный в детстве язык, знание которого сохраняется». Возьмем словарь русского языка Ожегова. Что такое «родной язык»? «Основной язык знания и общения». Если следовать этому принципу, тогда, конечно, степень распространенности русского языка как основного языка, как родного языка, у нас в стране гораздо больше. Она была гораздо больше и в бывшем СССР. Если бы эта практика сохранилась, то не прошел бы вариант одноязычия ни в Украине, ни в странах Балтии. Ведь там не половина, а большинство населения, для которых основной язык — русский.

Это одна ипостась, этническая. Теперь о конфессиональной. Несколько слов о религии, о религиозной картине мира. Какие здесь глобальные тенденции?

Религиозные принадлежности — более жесткая форма членства в обществе. По этнической принадлежности в равной мере можно сказать, что человек и чуваш, и татарин. Или татаро-башкир. В Башкирии такой симбиоз, где очень трудно определить, кто татарин, кто башкир. А вот в отношении религии, особенно когда дело касается мировых религий, очень жестко подходят к определению. Вы не можете как верующий человек быть в составе двух религий. Более того, есть религии, как ислам, например, которые наказывают за смену религиозной принадлежности. Это проблема для мирового развития. И один из докладов ООН, посвященный человеческому развитию, был посвящен теме культурной свободы в современном мире. Было прямо сформулировано, что мировой нормой является право человека быть вне религии, право человека критиковать религию, право человека менять религию, если он считает это необходимым по какой-либо причине.

Но это, к сожалению, идеальная правовая норма. Она, кстати, и в нашей Конституции примерно так сформулирована. Но реальность более жесткая. Особенно связанная с некоторыми мировыми религиями.

Сегодня религии соревнуются за территории, за последователей. Видимо, человеку нужна вера. Несмотря на то что продвигаются и наука, и знания, и мы уже не боимся ни грома, ни молнии. Нам не нужно совершать шаманский обряд, чтобы была успешная охота или чтобы вылечиться от болезни. Идем к врачу, а не к целителю. Тем не менее существует настоятельная потребность человека в вере, особенно при поиске ответов на сложнейшие экзистенциальные вопросы: «для чего мы живем», «что после нас»... К религии заставляет обращаться болезнь. И это тоже данность наша. Такая же, как этническая принадлежность. Многие считают, что глобализация несет нивелировку, если судить по костюмам, типу жилья, машинам и механизмам. Сегодня трудно отличить, кто к какой принадлежит культуре и национальности. Но внутреннее различие не исчезает, оно переходит в духовную плоскость, в представление о мировидении, о языке и фольклоре.

Поэтому, хотя малые этнические группы и языки исчезают в мире, человечество воспроизводит многообразие. Оно тоже данность. Представить себе, что мы когда-нибудь будем все похожи, говорить на одном языке, молиться одному богу — это утопия. Утопия в рамках не только всего мира, но даже государств, особенно государств крупных. Они были сложными по составу и такими останутся.

Третья ипостась — мировая. Это государственное образование. Форма коалиций. Государство — самая мощная форма социальной группировки людей. Нет более нужной, необходимой и мощной формы организации людских коллективов. Почему? Во-первых, государственность носит всеобщий характер. В мире можно найти места, где нет общей религии,

Кандидат

этничность не очень ясная, но если посмотреть на политическую карту мира, то станет ясно: весь мир, кроме, может быть, Антарктиды, поделен жесткими границами. Государства полностью, так сказать, приватизировали земную поверхность, включая не только сушу, но и морское пространство. Государство является единственным носителем легитимного права на насилие. Никакой этнос, компания, религия не имеют права лишить человека свободы, посадить в тюрьму, лишить жизни. Государство имеет это право, поскольку обладает суверенной, делегированной гражданами страны властью наводить порядок, в том числе предотвращать или наказывать за преступления.

Поэтому государство — и это очень важно — обеспечивает в человеческих коллективах порядок. Есть такая формула: «Порядок первичен по отношению к форме, в которой он осуществляется». Сначала должно быть государство, а потом уже — демократия, авторитарный режим, тоталитарный или какой-то другой. Человеческие коллективы, если они не организованы в государственные образования, склонны к иерархии, соперничеству, к хаосу, конфликтам.

Не зря первые американские пилигримы на корабле «Мейфлауэр», прежде чем сойти на землю и основать первые американские колонии, написали соглашение на палубе корабля, как они себя будут вести, по каким правилам будут жить. Ибо люди могут и должны быть равноправными, но люди не равны. Один родился с мускулами, с хорошим здоровьем, в богатой семье, в хорошем климате. Другому не повезло. Поэтому всегда есть соперничество между людьми. Задача государства — уменьшить социальные различия, предотвратить дискриминацию, обеспечить равенство, равноправие граждан или того сообщества, над которым государство осуществляет суверенную власть.

Кандидат

Наконец, государство играет не уменьшающуюся, а возрастающую роль в организации хозяйственной жизни, то есть в жизнеобеспечении населения той или иной страны. Без государства никакая успешная, даже самая-самая рыночная экономика с этим не справится, особенно с точки зрения контроля за ресурсами, за средой. Еще одна очень важная роль, которую играет государство: оно обеспечивает безопасность как внутреннюю, так и от внешних угроз.

Однако у государства, при всех его позитивных особенностях, есть и слабости. В частности, оно склонно к соперничеству. Особенно отличаются этим крупные державы, супергосударства. Поэтому, чтобы предотвратить соперничество, особенно за территорию, за ресурсы, каждое государство обеспечивает свою национальную безопасность. Большинство государств имеет для этого вооруженные силы.

Таким образом, складываются три карты: конфессиональный состав мира, этнический и государственно-административный, или политический.

Поскольку культурная сложность мира не упрощается, а сохраняется, и даже усложняется, то меняется представление о том, кто создал государство, и кто является его собственником, владельцем.

Что есть нация? Здесь всегда было два понимания. Старое, якобинское понимание нации — это согражданство. Равные граждане. Никаких других различий. Поэтому якобинцы и французская революция так воевали против малых языков, языков меньшинств. Воевали за то, чтобы язык Ile-de-France был единственным французским языком. Эта концепция одержала верх в мире. И вся Вестфальская система, вся система современных государств построена на якобинской идее нации как согражданства, территориального сообщества.

Таким образом, демос образует государства, а не этнос. Если бы их создавали этносы, у нас было бы не 200 государств, а 2000–3000. Едва ли мир

к этому придет. Хотя есть радикальные поборники этнического национализма, которые считают, что мир к этому движется, и рано или поздно каждая этническая группа будет иметь свою государственность.

Поскольку существующая концепция правит миром, то на ее основе сформулировано и международное право, и национальные законы. Наша Конституция повторяет советскую формулу «Мы — многонациональный народ». Тем не менее и в Основном законе, и во всем нашем законодательстве речь идет о суверенном согражданстве, которое создало Российскую Федерацию.

Все мы имеем равные права в нашей стране. Право на землю путешествует вместе с гражданином. А не так: в Осетии — это осетинская земля, земля осетин, в Татарстане — это земля татар. Поэтому мы исходим из того, что именно суверенное согражданство создает государство. Разговоры о том, что какой-то один народ должен быть государствообразующим, подрывают этот базовый принцип. Что произойдет, если сегодня по этому пути пойдут крупные государства вроде Китая? Представим, там объявят, что ханьцы, которые составляют 90% населения Китая, — это государствообразующий народ. Завтра же Тибет, Синьцзян, и еще 55 народов, не ханьцев, просто отвалились бы от Китая. Если в Испании объявят кастильцев государствообразующим народом, то в государстве не останется ни басков, не каталонцев... Это касается и нашей страны тоже.

Есть вторая концепция нации. Это сообщество людей, схожих по культуре, названию, языку, идентичности. Так называемая «culture nation» идет со времен немецкого романтизма XIX века. Концепция была очень мощно развита во времена краха империй, особенно Австро-Венгрии. Классики австромарксизма Бауэр и Каутский в свое время развивали эту

идею — нации в культурном смысле слова. Кстати, Ленин и Сталин заимствовали эту идею о нации.

Сказать, что это совсем ерунда, блажь, и от нее надо избавиться, неправильно. Понятие нации, самообозначения себя как нации для этнических групп, для народов в этническом плане тоже обрело свою легитимность, эмоциональную и политическую загрузженность. Еще до образования СССР появился национализм этнического, или этнокультурного плана. Он сыграл очень большую роль в истории, в том числе и в распаде империй, и Австро-Венгерской, и Османской. Большевики спасли значительную часть Российской империи именно тем, что пообещали право всем нациям на самоопределение вплоть до отделения. Вспомните декларации прав трудящихся, прав народов, которые были сделаны в первый год советской власти. И тогда только лишь Польша и Финляндия отошли от нового государства.

Существует идея, что этнические общности являются угнетенными нациями. В советской формулировке: есть нация господствующая, ею объявлены были русские, и нации угнетенные, которые нужно поднять до уровня господствующей нации, ликвидировать неравенство. И Советский Союз вплоть до государственно-административного устройства был построен на концепции, что национальная государственность — это этническое, национальное. Были построены территориальные автономии разного уровня — от союзных республик до национальных округов, которые были объявлены собственностью национальных государств внутри Советского Союза. А СССР был объявлен многонациональным государством с основной доктриной интернационализма, дружбы народов. Но настоящие скрепы были заложены в единой партии, единой идеологии, КГБ, газете «Правда». Вот что держало Советский Союз. И когда наступило время ответственных смыслов, то пришлось отвечать за то, что было записано в Конституции:

Кандидат

право нации на самоопределение. Советский Союз единственный проделал этот эксперимент. Такой страны больше не было. Даже Индия на это не решилась, будучи еще более многообразной. Термин «нация» в СССР спустился на уровень этнических общностей. Произошла замена его понятием «советский народ». И советский народ, если хотите, был реальностью, многоэтничной гражданской нацией. Ведь оставались национальные интересы у Советского Союза, существовали понятия «национальный доход» и «здоровье нации», были национальные спортивные команды. Только наций не было. То есть прилагательное было, а существительного не осталось. И сегодня прилагательное есть, национальные проекты есть, национальный лидер есть, а спросишь: «Какой нации?» — начинают ежиться, не могут произнести слово «русской».

Этот подход в XX веке очень мощно утвердился в мировой практике. Особенно на территории бывшего СССР и в зоне его влияния. Пожалуй, Китай сначала при Мао Цзэдуэне провел первые попытки пойти по советскому пути, потом отказался от этого. Хотя сделал внутренние автономии для неханьских меньшинств.

Сегодня говорить, что это было неправильно, что надо это ликвидировать, — большое заблуждение. Потому что нации существуют в плане этнокультурном, региональном, историческом, как самообозначение. И даже в правовых документах, например, в конституции Каталонии, прямо записано: «Мы — каталонская нация». Я еще в 1970-е годы, когда вел полевые исследования в США и Канаде, сфотографировал паспорт в резервации оджибуэев, где было записано: «нация оджибуэев».

Сегодня в Канаде есть first nations — первые нации, которые открывали вместе со всеми Олимпийские игры в Ванкувере. Сегодня понятие нации используется очень широко представителями этнических групп: и арктические народы, и меньшинства.

Сказать, что в нашей стране нет татарской, осетинской, чеченской или русской нации — просто абсурд. Поэтому нация и этнос — это не две взаимоисключающие друг друга формы идентичности, а принадлежность по этнической группе и по национальности. Они дают общегражданскую идентичность.

Мадридский Верховный суд пытается судиться с Каталонией, утверждая, что только термин «испанская нация» имеет право существовать в законе. А вы, каталонцы, мол, свой статут измените. Вы не имеете права так называться. В конце концов, дело дошло до референдума. Могут быть и более серьезные последствия.

Поэтому сегодня обеспечение единства через признание и поддержку разнообразия современных наций, признание их сложностей — культурной, этнической, религиозной — является единственной легитимной, оправдавшей себя современной формулой государственного устройства. Когда пытаются отрицать разнообразие, навязать один язык, чтобы бюрократия говорила только на языке части населения, объявив его титульной, или государствообразующей нацией, — такая государственная политика может привести только к конфликту. Если в старые времена можно было задавить, осуществить чистку или что-нибудь подобное, или просто ассимилировать, то в современных условиях, при наличии демократических механизмов и устройств большинства государств, международного сообщества, движений, деклараций, которые обеспечивают права не доминирующих групп в мире, это фактически невозможно.

Если только не закрывать глаза по причине геополитического соперничества. Это имело место, например, после распада СССР, когда западное сообщество фактически покрывало такие безобразия в ряде наших постсоветских государств, чтобы как можно быстрее дистанцировать их от России. Официальное двуязычие спасло бы ситуацию в ряде государств

Кандидат

бывшего СССР. Имею в виду прежде всего Латвию, Эстонию, Украину, Молдову, Казахстан. Федерализм тоже был бы спасителем для таких стран, как Грузия, Молдова или Украина. Только одна Российская Федерация осталась верна принципу федерализма.

Кто этого не сделал и не делает, имеют и будут иметь большие проблемы. Мы признаем, что нация гражданская или суверенная, согражданство или нация-государство — это сложное сообщество, внутри которого есть люди с разной культурой и языком, и в то же время лояльные граждане обладают идентичностью. «Я — россиянин, и в то же время — я чуваш или русский». А не так: «Или ты русский, или ты россиянин!». «Россияне — это марсиане». Есть такая присказка. А некоторые говорят, что россиянин — это поганое слово. Они не знают Пушкина: «Измена, гибель россиян на лоне мстительных грузинок». Слово «россияне» идет еще от Феофана Прокоповича. Когда хоронили Петра I, он говорил: «О россияне, кого погребаем?» — «Петра Великого в землю погребаем».

Если признать, что нация-государство — это сложное сообщество, внутри которого есть люди с разной культурой и языком, то возникает вопрос: как управлять этим сообществом? Для начала надо найти общую формулу гражданской нации и этнокультурного развития и поддержки ее народами Российской Федерации. Вот, на мой взгляд, необходимая формула: «единство многообразия». Отсюда и надо строить и государственную, и национальную политику.

Для крупных государств очень мощным механизмом является само административное устройство. Еще в начале 1990-х годов я говорил, что федерализация необходима для крупных стран с неоднородным этническим составом. Кстати, в отношении Эстонии я ничего не говорил про федерализм, хотя мне это приписывают. Далее — официальное двуязычие или даже триязычие, что мы наблюдаем сегодня в Крыму. Большая ошибка, что

Кандидат

Украина, Латвия и Эстония не пошли по этому пути. Понятно, в этих государствах понадеялись осуществить ассимиляцию. Хотя называлось это интеграцией, а на самом деле все шло к ассимиляции. Чтобы русские стали эстонцами или украинцами.

Надо было так выстраивать национальную политику, чтобы русские хотели овладеть двумя языками. По крайней мере, такую работу надо было вести среди молодого поколения. А стариков переучивать, заставлять насильно учить язык — это просто преступление. Ведь даже в России не все владеют русским языком. И никто не обязывает его знать. Только жизнь заставит... Но, повторяю, у нас и сейчас в отдаленных сельских местностях национальных республик либо не говорят по-русски, либо говорят плохо.

Поэтому федерализм позволяет осуществлять внутреннюю суверенность, или внутреннее самоопределение, в этом территориальном плане. Здесь один очень важный аспект. Федерализм у американцев или в Канаде строится жестко по административным принципам, никаких этнических элементов. Есть и другой — асимметричный федерализм с элементами этнического. Это про нас. В России асимметричная федерация. Здесь 21 республика в субъектах Федерации. Это и есть внутренняя форма этнотерриториальных автономий для почти всех наших крупных нерусских народов. Выходит, это наследие советского режима или советского строя? В какой-то мере так и есть. Но это вовсе не уникальное явление. В Канаде при всей жесткой модели федерализма Квебек — не просто одна из десяти провинций. Квебек имеет особый статус и свой закон об официальном французском языке. Он отличается от всех других провинций, потому что большинство населения Квебека — франкофоны. Вот поэтому Каталония и Страна басков — тоже не просто провинции Испании.

Это форма самоопределения, в которой учитывается этнический облик, характер населения. Поэтому национальные республики для нас очень

важны. Идти на поводу у тех, кто говорит, мол, давайте их ликвидируем, очень опасно.

Есть второй механизм, который успешно работает в государствах, где существует этническое и этноконфессиональное разнообразие. Это экстерриториальные формы автономии, или национально-культурная автономия. В нашей стране такая автономия определена законом. Причем она существует не вместо этнотерриториальных автономий, а вместе с ними, потому что значительная часть нерусского населения нашей страны, да и русские тоже, проживают в ситуации меньшинства. Скажем, российские украинцы, которые по всей России разбросаны. Национально-культурная автономия позволяет им укреплять свое чувство идентичности не только с Россией, но и с Украиной — по языку и культуре.

Есть еще один механизм, связанный с делегированием во властные структуры. Например, система палат, которые представляют этнические общности или национальности. У нас такой опыт был в советский период. Существовала палата национальностей в Верховном Совете. В Китае до сих пор действует палата национальностей в Народном Собрании.

У меня как у специалиста нет однозначного ответа, нужна ли нам сегодня в нашем парламенте такая палата. Гораздо важнее обеспечивать представительство граждан нашей страны разных национальностей, регионов, конфессий в двух основных палатах Федерального Собрания. А строить палату по этническому признаку — уязвимо. Демография очень подвижна. Люди порою оказываются в нескольких этнических группах. Поэтому обеспечивать справедливое представительство и избежать споров очень сложно. Может быть, работать на уровне регионов. Скажем, в Ханты-Мансийске для коренных малочисленных народов есть специальные квоты. В Дагестане был интересный опыт госсвета, где имели представительство 14 национальностей. Они от этого ушли, потому что в Дагестане тоже есть

Кандидат

свои сложности. Ведь кроме 14 национальностей там еще полтора-два десятка других этнических групп. Так что в этом отношении опыт квот в ряде стран вообще не оправдался.

Зато оправдывает себя другой интересный принцип — консенсуальной демократии, то есть демократии согласия. Политики, управленцы, представители институтов гражданского общества должны согласиться, что общество сложное, а поэтому в структурах управления тех же Соединенных Штатов народ должны представлять афроамериканцы, испаноамериканцы, женщины, католики, а не только протестанты, представители меньшинств. Президентские администрации США в последнее время, как правило, отражают почти целиком такую мозаику.

Значит, нужно предусмотреть, чтобы меньшинства, которые не могут обеспечить себе место в представительной демократии, где «один человек — один голос», могли обеспечить себе место во власти. Скажем, третья партия на выборах отдает свои голоса второй партии, если та пообещает выполнить предвыборное обещание третьей партии. Сделайте русский язык вторым официальным, — я говорю условно, — тогда третья партия отдает свои голоса второй, и та становится первой.

Наконец, последнее, что касается сложных государств, таких как Российская Федерация.

Очень важную роль играет институт гражданского общества, начиная с партий и заканчивая неправительственными организациями. 90 процентов вопросов, связанных с межэтническими, межконфессиональными отношениями во многих странах решается на местном уровне. Только сейчас мы в стратегии государственной национальной политики отвели должное место местным муниципальным властям, региональным властям, возложив на них значительную долю ответственности. И это правильная линия.

Кандидат

Вообще, федерализм, федеративное государство — это постоянные вызовы и постоянные ответы. Я приехал в Канаду собирать материал для диссертации, и лидер канадского федерализма сказал мне: «Федерализм — это прежде всего дебаты. Прежде всего обсуждения, дискуссии, компромиссы. А не формула раз и навсегда». Кстати, Канада показывает эту гибкость. Она достаточно успешно преодолела и квебекский сепаратизм 1970-х годов, и сепаратизм со стороны аборигенных арктических народов, выделив для эскимосов и северных индейцев самоуправляемую территорию под названием Нунавут — «наша земля».

У нас тоже есть свой опыт, в том числе и дореволюционный. В книге Вячеслава Никонова «Российская матрица» рассказывается об уникальном опыте межконфессионального существования и согласия в Российской империи. Мы обладаем опытом, которого нет в мире: в течение веков две мировые религии существовали в рамках одного государства без открытых конфликтов. Я имею в виду ислам и христианство в форме православия. Европа с этим справиться не может. У нас есть советский опыт поддержки и спонсирования этнического разнообразия. При всех недостатках, которые были в Советском Союзе, в том числе и в этой сфере, при советском строе не исчезла ни одна этническая группа в нашей стране. Из 70 или 80 младописьменных языков, которые созданы заново в XX веке, больше половины было создано в СССР нашими лингвистами, деятелями образования и местными учеными. В этом плане опыт огромный и позитивный.

Но есть и другой мировой опыт. В Тироле, на севере Италии, живет немецкоязычное меньшинство. Тяготеет к Австрии. Что сделало центральное правительство в Риме? 100% налогов оставили в Тироле, не самой бедной провинции. В Верховном суде Италии есть обязательно один судья, который владеет немецким языком. А вдруг какое-то дело дойдет до Верховного

Кандидат

суда, где подсудимый будет из Тироля! Он имеет право получить правосудие на немецком языке.

Вот такие нюансы. Их нужно изучать, за ними следить. Не бояться их вводить в нашей стране.

В целом, есть общее понимание, что разнообразие обогащает страну и государство. При хорошем понимании и эффективном, так называемом good governance — хорошем правлении, этническое разнообразие — не риск, а благо, богатство. И для России, я думаю, так оно должно быть.

*Подготовлено по лекции
в Гражданском университете «Единой России»*

19 октября 2014 года

ТИШКОВ Валерий Александрович,
*академик Российской Академии наук, директор Института
этнологии и антропологии РАН*